

ны под влиянием западноевропейских образцов, строительство «регулярного государства», во время чего происходит в том числе и создание новых органов горной администрации. Процесс становления управления промышленностью, равно как и реформирование в целом, шел тяжело, особенно на местах. В связи с этим для введения и упрочения новой системы в регионах на Урале пришлось прибегнуть к экстраординарному управлению.

Для 40-х – начала 60-х гг. XVIII в. характерны стабилизация и нормальная деятельность петровской системы «регулярного государства». Цели для имперской администрации остались по преимуществу прежними, «петровскими», хотя уже в это время происходит формирование новых проблем. В данный период образцом стабилизовавшейся коллежской администрации на местах являлось, в частности, Уральское горное управление.

В 60–80-е гг. XVIII в. начался отход от петровской модели «регулярного государства» в сторону сословной монархии, когда на первое место стал выходить вопрос о крепостном праве. Влияние на изменения в администрировании промышленностью оказывали, с одной стороны, специфические представления Екатерины II об экономике (влияние физиократов), а с другой – сословные притязания дворянства. Для этого времени были характерны значительные социальные движения, что непосредственно сказалось на управлении уральской горно-заводской промышленностью. Из-за социальных движений произошло вторичное обращение центрального правительства к экстраординарному управлению.

И. В. Побережников
Екатеринбург

Сибирские самозванцы XVIII–XIX вв.

Самозванчество – присвоение чужого имени и звания – явление, известное в истории различных стран. Самозванцы претенденты на престол объявлялись в древней Персии, средневековых Герма-

нии и Фландрии, Португалии XVI в. Однако наибольшее распространение самозванчество получило в истории России XVII–XVIII вв. Сразу вспоминаются Лжедмитрии, «Петр Федорович» (Емельян Пугачев), «княжна Тараканова». В действительности самозванцев было гораздо больше, количество их исчислялось десятками и даже сотнями. Различными были мотивы присвоения чужого имени, разнились последствия деятельности самозванцев.

Можно выделить царственное самозванчество, то есть объявление себя царем (императором) или представителем царской фамилии. Данный тип самозванчества обычно служил чьим-либо политическим интересам – господствующим слоям общества или народных масс. Появление царственных самозванцев или слухи о них были тревожным сигналом для власть предержащих, которые обоснованно связывали подобное самозванчество с возможностью заговоров, дворцовых переворотов или скорого крупного народного возмущения. Царственное самозванчество было наиболее опасным для существующего режима, поэтому всегда вызывало его пристальное внимание и стремление охранительных органов истребить проявление самозванчества в зародыше. Необходимо признать, что данный тип самозванцев лучше изучен и более известен. Яркие образы царственных самозванцев запечатлела художественная литература – Лжедмитрий I в драме А. С. Пушкина «Борис Годунов», «Петр III» в его же «Истории Пугачева» и «Капитанской дочке», главная героиня романа Г. П. Данилевского «Княжна Тараканова».

Однако гораздо больше в отечественной истории было нецарственных самозванцев, объявлявших себя посланниками монарха или особами, обладавшими более высоким статусом по сравнению со статусом самого самозванца. Самозванные врачи, князья, дворяне, ревизоры, агенты тайной полиции, земские начальники, сыщики, жандармы, инженеры, чиновники особых поручений, юрродивые, пророки, чудотворцы, максимы горькие, короленки, адвокаты Плевако и т. д. – какие только имена ни присваивали предприимчивые авантюристы, чтобы добиться благосклонного к себе отношения, богатых подарков и соответствующего приема¹. Менее прагма-

---

¹ См.: *Короленко В. Г.* Современная самозванщина // Полн. собр. соч. СПб., 1914. Т. 3. С. 271–368.

тичными были самозванцы, обаянные наполеоновским комплексом, подобные Голядкину Достоевского или гоголевскому Поприщину: «Кто я по здешнему месту! Ведомо ли вам, несчастным, обреченным на трепет, что я тот самый, перед кем именно вы и повинны трепету!..» (Поприщин).

Случалось, что и нецарственное самозванчество служило социальным интересам широких народных масс. Не все самозванцы уподоблялись гоголевскому ревизору, не всегда они исходили лишь из своих корыстных интересов. Порой в крестьянских селениях появлялись «сенатские фурьеры» или «тайные агенты», от имени царя призывавшие народ протестовать против коррумпированных представителей местной администрации и помещиков.

Сибирь не была исключением в плане распространения самозванчества и ложных слухов о претендентах на престол. Так, в 1704 г. группа авантюристов проехала по маршруту Ростов – Ярославль – Тотьма – Великий Устюг – Верхотурье – Тобольск – Тюмень, получая провиант, подводы, деньги у местного начальства. Один из путешественников называл себя «полковником Семеном Ивановым, крестным сыном ближнего боярина Бориса Петровича Шереметева». Мошенники объявляли о скором прибытии в Сибирь государя вместе с фельдмаршалом Б. П. Шереметевым. Лишь в Тюмени «шереметевский крестник» со своими спутниками – все они оказались беглыми солдатами, уроженцами Тюмени, Костромы, Тобольского уезда – был схвачен².

Сложные мотивы двигали другим сибирским самозванцем, мелким чиновником И. Михайловым (Тобольское наместничество, 1787 г.), который под влиянием выпитого испытал сильное чувство «стыда собственного существования» и, возмечтав, «что и он, как все», стал называться «лейб-гвардии сержантом Нарышкиным». Ясачные опускались перед мелким чиновником на колени, перед ним открывались двери всех питейных домов. Воспользовавшись силой власти, снизошедшей на него, Михайлов-«Нарышкин» «пил вино безденежно и брал с собою в посуду». Чтобы еще больше поднять значимость собственной персоны, Михайлов стал распростра-

---

² См.: *Оглобин Н.* Тревога о «государевом шествии» в Сибирь в 1704 г. // *Русская старина.* 1891, сентябрь. С. 609–616.

нять слухи о воцарении великого князя Павла Петровича, о милостивых указах, которыми якобы предоставляются льготы государственным крестьянам и ясачным Тобольского наместничества³.

В 1807 г. бывший поручик Я. М. Раковский, лишенный чинов и дворянства и сосланный в Сибирь, исчез по дороге в Иркутскую губернию. Проведенное позднее расследование обнаружило его следы в Каинском уезде, в ведомстве Колывано-Воскресенских горных заводов, где Раковский ездил по фальшивым подорожным и под несоответствующим званием (т. е. как самозванец). В 1808 г. в городе Юхнове Смоленской губернии появился стареющий молодой человек среднего роста, одетый в офицерское платье. Гость назвался майором графом Аракчеевым, присланным по именному Его императорского величества секретному повелению для обревизования присутственных мест. Юхновские чиновники, не в пример персонажам гоголевского «Ревизора», посадили «графа Аракчеева» под караул. Задержанный вскоре стал называть себя «майором Яковом Раковским». На деле же он оказался ссыльным поселенцем Я. М. Раковским, которого полиция разыскивала как в Сибири, так и в Европейской России. При самозванце оказалось несколько фальшивых документов: подложный высочайший указ на имя майора Раковского; две подорожные от имени оренбургского генерал-губернатора какому-то майору Ростову; прошение государю о помиловании брата, составленное от имени мифического майора Козьмы Раковского (в действительности составленное самим Яковом Михайловичем). За составление подложного указа, побег, за ложное наименование себя «майором» Я. М. Раковский был приговорен к наказанию в 50 ударов кнутом, вырезанию ноздрей и ссылке на каторгу в Сибирь⁴.

Довольно широкое хождение за Уралом в 1830–1850-е гг. получили слухи о цесаревиче Константине Павловиче, в действительности

---

³ См.: ТФ ГАТО. Ф. И-341. Оп. 1. Св. 19. Д. 119. Л. 128–128 об.

⁴ См.: *Побережников И. В.* Я. М. Раковский — самозванный «поручик», «майор», «граф Аракчеев» (неизвестный эпизод бытового самозванчества начала XIX в.) // Сургут, Сибирь, Россия : междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 400-летию г. Сургута : докл. и сообщ., Сургут, 22–25 марта 1994 г. Екатеринбург, 1995. С. 192–201.

ти умершем от холеры в 1831 г. В Сибири говорили о том, что в Польше издан указ почитать Константина живым, что вместо него похоронен солдат, что цесаревич Константин появлялся под видом рядового солдата в Тобольске и по какому-то подозрению был посажен на гауптвахту, но, узнанный поляками, был тайно освобожден и потом скрытно пробрался в Иркутск, где готовиться начать с наступлением весны мятеж, а пока ждет помощи от Китая. Говорили также, что якобы под Иркутском в поддержку Константина готовится польское войско, прибывшее через Камчатку на 12 кораблях. В 1833 г. через г. Томск в Восточную Сибирь проехали два молодых поляка, распространявшие молву, что цесаревич Константин не скончался и с польскими войсками отправился во Францию. В том же году в среде крестьян Енисейской губернии возникла молва, что цесаревич Константин Павлович пребывает под чужим именем в Иркутске, а при нем находится польский чиновник. Кроме того, говорили, что будущей весной начнется возмущение, ссыльные поляки вернутся на родину и заберут с собой поселенцев⁵.

А в 1893 г. Томск встречал «прокурора Петербургской судебной палаты князя Ширинского-Шихматова». «Князь» за казенный счет проехал в вагоне первого класса из Владимира в Томск, распекал на местах полицию, в Томске остановился в Европейской гостинице, посетил Томский университет, вел себя респектабельно. В конце концов «Ширинский-Шихматов» оказался в тюрьме под своим настоящим именем – мещанина Александра Маурина, бывшего заключенного арестантских рот⁶.

И все же наибольший социальный резонанс на востоке России получили слухи о Петре III. Наибольший же эффект имела деятельность самозванца Е. И. Пугачева, принявшего имя покойного императора. Восстание 1773–1775 гг., им возглавленное, охватило

---

⁵ См.: ГААК. Ф. 2. Оп. 10. Д. 60. Л. 39 об.; *Кубалов Б.* Сибирь и самозванцы. Из истории народных волнений в XIX в. // *Сибирские огни.* 1924. № 3. С. 168–176; *Чистов К. В.* Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М., 1967. С. 205, 206. Также см.: *Побережников И. В.* К истории формирования легенды о Константине (Тара, 1826 г.) // *Культурное наследие Азиатской России : материалы I Сибиро-Уральского ист. конгр., Тобольск, 25–27 нояб. 1997 г.* Тобольск, 1997. С. 128–129.

⁶ См.: *Короленко В. Г.* Современная самозванщина. С. 341–342.

и Зауралье. Слухи о Петре III распространялись в процессе трансляции социально-утопической легенды о царях-избавителях, проанализированной в классическом исследовании К. В. Чистова. Легенда сводилась к констатации существования истинного, справедливого государя, окруженного помощниками и союзниками, осуществлявшего насилие по отношению к угнетателям, социальные благодеяния – по отношению к угнетенным.

Итак, одним из легендарных царей-избавителей в народных представлениях стал Петр III Федорович. Уже в 1740–1750-х гг., еще до воцарения Петра, в народной среде говорили о намерении «бояр» извести великого князя Петра Федоровича, о желании последнего по восшествии на престол лишить «бояр» их большой власти. Равно ходили слухи, обличавшие в Петре Федоровиче будущего антихриста, неверного наследника⁷. Своим коротким царствованием Петр III не успел подорвать наивно-монархической иллюзии народа насчет собственной истинности как государя. Укрепляли веру в Петра III и некоторые мероприятия его внутренней политики, благоприятные для низов империи⁸. После переворота 28 июня 1762 г. и гибели Петра III молва связала народные чаяния и помыслы со спасшимся от гибели чудесным образом избавителем. Двусмысленные слухи по поводу кончины Петра III начали распространяться с 1762 г.⁹

Восстание 1773–1775 гг. под предводительством Е. И. Пугачева способствовало еще большему распространению политических слухов на востоке страны. Первыми разгласителями их, как известно, явились яицкие казаки, сосланные на каторгу за участие в Яицком восстании 1772 г. Яицкий старшина И. Логинов, очутившись за Уралом, принялся называть себя полковником, а своих детей, следовавших с отцом, капитаном и поручиком. Логинов распростра-

---

⁷ См.: *Сивков К. В.* Самозванчество в России в последней трети XVIII в. // Исторические записки. 1950. Т. 31. С. 90, 96–97; РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 905, 907, 992, 997, 1000, 1021, 1028, 1073, 1150, 1542, 1724, 1733, 1874, 1879, 1899, 1918, 1939, 2001, 2002.

⁸ См.: *Мыльников А. С.* Легенда о русском принце (русско-славянские связи XVIII в. в мире народной культуры). Л., 1987. С. 10–17, 122–140.

⁹ См.: РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2053, 2057, 2070, 2075, 2076, 2121, 2144, 2170, 2174, 2180, 2193, 2205.

нял вести о Е. И. Пугачеве, которого в некоторых сибирских селениях именовал Петром III¹⁰.

В марте 1774 г. слухи о Петре III – Пугачеве были зафиксированы в Петропавловской крепости. Мальчик Семен Богомолов, «по глупости своей», сказал женщинам, мывшим белье на р. Ишим: «Мойте де платье скорее, как де Пугачев не пришел». На это канонирская жена Ненила Спицына выговорила: «А что де Пугачев хотя и придет, нас де, простых людей, не обидит. И он де до бедных милостив и никаких обид не причинит. А только де главных командиров казнит. И так де, если придет Пугачев, то де за всех главному достанется». Бывшие на реке вместе с Ненилой дворовые женщины коменданта крепости бригадира С. В. Сумарокова донесли на нее, причем сообщили, что канонирская жена, помимо прочего, ругала матерными словами коменданта, призывала добровольно отдать его в руки Пугачева, говорила, «кто де безвинно бьет кошками, того де Пугачев и сам казнит», намекая, опять же, на Сумарокова. Последние обвинения на допросе Н. Спицына отвергла, но призналась, что еще до Масленицы, будучи на базаре, от стоящих в кругу солдат слышала, что «Пугачев нижних чинов и чернь ничем не обидит, а милостив; только де главных командиров и офицеров не любит, а все казнит»¹¹.

В том же 1774 г. поселщик с Барабы Самсонов рассказывал, что Пугачев действительно есть подлинный император Петр III, что во время пребывания в Риме он был снабжен деньгами папой римским, что китайский «хан» обещал помощь российскому монарху¹².

В обстановке эскалации слухов о Петре III появлялись новые, наряду с Е. И. Пугачевым, самозванцы, в том числе и в Сибири. Так, осенью 1773 г. в Верхотурье объявился очередной «Петр Федорович», в действительности оказавшийся бывшим разбойничьим атаманом из Астраханской губернии Григорием Рябовым¹³.

---

¹⁰ См.: ГАОМО. Ф. 366. Оп. 1. Св. 2. Д. 69. Л. 99–100, 318–331 об.; Д. 70. Л. 82–83; Пугачевщина. М. ; Л., 1929. Т. 2. С. 97–104; Андрущенко А. И. Крестьянская война 1773–1775 гг. на Яике, в Приуралье, на Урале и в Сибири. М., 1969. С. 209–214.

¹¹ ГАОМО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 189. Л. 109–110.

¹² См.: ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 495. Л. 32–33 об.

¹³ См.: Самозванец Рябов // Русский архив. М., 1902. № 5. С. 59–60.

Поражение восстания и казнь Е. И. Пугачева не прекратили распространение слухов о Петре III, в том числе и в Сибири, в частности на Алтае. Так, мастеровые Змеиногорска говорили, что «Третий Император жив и от него имеется в Оренбургском ведомстве войско и стоят три партии, из коих первая идет с Дону к Саратову под командой Павла Метлина, вторая под командой Железнякова стоит в Оренбургском ведомстве, третья под предводительством Громова имеется около Тюмени, да и Пугачев не казнен, а казнен вместо него из Яицких казаков»¹⁴.

В 1777 г. в питейном доме города Кузнецка заводской крестьянин Д. Попов выговорил, что бывший государь Петр III жив. Правда, впоследствии на допросе в кузнецкой воеводской канцелярии Попов заявил, что «по бесчувственному его тогда пьяному состоянию» он не может вспомнить, говорил ли в действительности подобные речи¹⁵.

Весной 1779 г. высшая администрация Оренбургской и Тобольской губерний была обеспокоена известием о крупномасштабном разглашении слухов о Петре III¹⁶. Источником информации на сей раз явился тюменский мещанин Иван Павлов сын Соколов, который переполошил чиновников сообщением об активной циркуляции разговоров о царе-избавителе в селениях и на заводах Урала и Зауралья.

Слухи о Петре III – избавителе обнаружили себя в начале 1780-х гг. в среде русской среднеазиатской диаспоры (в «Ташкинии»,

---

¹⁴ Аганова Т. И. Из истории классовой борьбы на алтайских горных предприятиях в XVIII в. // Краеведческие записки Алтайского краевого музея. Барнаул, 1956. Вып. 1. С. 83. См. также: Филов В. Г. Отклики пугачевского движения на Алтае // Там же. С. 96.

¹⁵ См.: РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2478. Л. 1–10.

¹⁶ См.: ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 188. Л. 1–41. Также см.: Рязанов А. Ф. Отголоски Пугачевского восстания на Урале, в Киргиз-Кайсацкой малой орде и в Поволжье (по материалам Централхива КССР) // Тр. о-ва изучения Казахстана (Киргизского края). Оренбург, 1926. Т. 6. С. 205–207; Покровский Н. Н. Обзор сведений судебно-следственных источников о политических взглядах сибирских крестьян конца XVIII – середины XIX в. // Источники по культуре и классовой борьбе феодального периода. Новосибирск, 1982. С. 49, 70–71; Побережников И. В. Народная монархическая концепция на Урале (XVIII – первая половина XIX в.) // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 1994. № 1. С. 35–39.

«Ташкинской стороне»). Некий ссыльный казанский поп Алексей Иванов, возможно, бывший участник пугачевщины, сделавший вполне успешную карьеру в Бухарском ханстве (стал муллою, завел гарем из 6 жен), со ссылкой на русского же человека Гришку, сообщил россиянину посельщику С. Калинину, будто бы бывший император Петр Федорович жив и находится в Ташкинии. С. Калинин, по его собственным словам, не поверил священнику-мулле. Однако, едва очутившись в российской стороне, в Семипалатинской крепости, Калинин, «напився пьян», начал задавать провокационные вопросы сержанту Федоровскому по поводу Петра Федоровича: «Нет ли его в Ташкинской стороне?»¹⁷

В 1780-е гг. на юге Западной Сибири действовал самозванец Петр Евдокимович Хрипунов¹⁸, решивший продолжить дело Е. И. Пугачева. П. Е. Хрипунов (он также назывался Головенко, или Головин, или Головенко; Головнюю был прозван отец самозванца за смуглость лица) родился в 1745 г. в Верх-Суерской слободе Ялutorовского дистрикта. В 22 года он был выбран крестьянским поверенным и активно участвовал в составлении наказа от Верх-Суерской слободы в Уложенную комиссию Екатерины II¹⁹.

Во время восстания Е. И. Пугачева Хрипунов был мобилизован в выписные казаки и в составе команды майора Чубарова командирован на защиту Каслинского завода от пугачевцев. Однако вместе с другими выписными казаками Хрипунов перешел на сторону народной армии. В числе односельчан (бывших ополченцев из команды Чубарова) Хрипунов попал в Уфимский повстанческий район к И. Н. Чике-Зарубину («графу Чернышеву»). В одной из схваток с правительственными войсками П. Е. Хрипунов совершил героический поступок – подхватил из рук сраженного пугачевско-

¹⁷ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2614. Л. 1–2 об.

¹⁸ Об истории П. Е. Хрипунова-Головенко см.: *Сивков К. В.* Самозванчество в России в последней трети XVIII в. // *Исторические записки.* 1950. Т. 31. С. 131–132; *Чистов К. В.* Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. С. 181; *Покровский Н. Н.* Обзор сведений судебно-следственных источников ... С. 69–70; *Побережников И. В.* Массовые выступления крестьян Западной Сибири в XVIII веке. Новосибирск, 1989. С. 88–101.

¹⁹ См.: *Беляский М. Т., Омельченко О. А.* Наказы ялutorовских крестьян в Уложенную комиссию 1767 г. // *Источники по культуре и классовой борьбе феодального периода.* Новосибирск, 1982. С. 257–259.

го атамана «значок». За этот подвиг «граф Чернышев» пожаловал сибирского крестьянина званием атамана.

Хрипунов принимал непосредственное участие в действиях повстанцев в Сибири. Свидетель тех событий – Е. Незамаев – позднее вспоминал, что в прошедшее «замешательство» Петр Хрипунов приезжал с «толпою» в 60 человек в Емуртлинскую слободу и, связав майора Салманова, сек его плетьюми.

Вместе с главной пугачевской армией Хрипунов принял участие в боях под Оренбургом, Татищевой, Магнитной, Усть-Карагайской, Петропавловской, Степной, Троицкой. В сражении под Троицкой Хрипунов был пленен и отправлен в Исетскую провинциальную канцелярию, а затем в Тобольск. Через какое-то время он был отпущен домой в Верх-Суерскую слободу. Как удалось избежать наказания бывшему пугачевскому атаману, остается тайной.

С весны 1781 г. П. Е. Хрипунов находился «в бегах» на Иртышской линии. В 1782–1783 гг. он жил на плотбище (вид пристани, где сооружаются плоты, барки, суда) купца Боровинского. Затем с товарищем Андреем путешествовал по рекам Оби, Бурле, они останавливались в деревнях Хабаровой, Овечкиной, побывали в Барнауле, где зарабатывали на жизнь выжигом древесного угля.

Осенью 1783 г. П. Е. Хрипунов и Андрей забрели в с. Ирмень, где жили около пяти дней у крестьянина Ф. Пургина. Последний с большим интересом выслушал рассказы Хрипунова о пугачевской «замятне», об участии в ней самого повествователя и отвез гостя к своему товарищу крестьянину П. Борцову в Медведский станец Бердского острога.

П. Борцов оформил ветерану пугачевщины «пашпорт» для беспрепятственной езды и сформулировал смелое предложение – «сделаем, ребята, компанию и составим указ, что государь Петр Федорович жив». Хрипунов, Борцов и Пургин обсудили эту идею. Предполагалось, что Хрипунов воспользуется именем Петра III, чтобы вновь поднять народные массы на восстание. Борцов собирался в надвигавшемся предприятии возглавить канцелярию «Петра III» и составлять указы в народ. Пургин, умевший подписывать «под всякие руки», должен был скреплять указы росписью «Петра III». П. Борцов обещал набрать из алтайских мастеровых и беглых людей (в 70–80-е гг. XVIII в. на р. Бухтарме и ее притоках сформирова-

ровалась независимая от государства промыслово-земледельческая община беглецов-«каменщиков») «партию» до 500 человек, чтобы выручить томившихся на Змеиногорском руднике шестерых бывших пугачевцев.

Постепенно в головах заговорщиков созрел грандиозный, достаточно ясный и связный план действий. Впоследствии на допросе П. Е. Хрипунов вспоминал: «Если б он, Хрипунов, собрал злодейскую шайку бродяг, себе подобных, то намерен был бы со оными идти в те горы (Алтайские. – *И. П.*) к упомянутым беглецам и наименовать себя государем Петром Федоровичем, и всех тех беглых оболести наперед вольностию, хотел согласить с собою и со всеми бы оными намерен был идти в змеевские рудники, и всех там находящихся вольных и невольных, также и мастеровых людей с собою в шайку согласить же, которые несомненно с ним, Хрипуновым, и пошли, в рассуждении, что тут по большей части народ живет из беглых, а оттоль уже был по заводам и стал бы совокуплять народ, сколько было возможно, а по собрании бы великой толпы и по разорении тамошних местечек и городов и по обзаведении ружьем, порохом и пушками пошел бы до Тобольска, а по разбитии оногo и далее в Россию до Казани и прочих городов, и все б оные, которые только б мог разбить, дал бы вольность своей злодейской толпе грабить и разорять. Словом сказать, все б то делал и поступал, как в прошедшей бунт Емелька Пугачев, т. е. когда б кто не пошел к нему служить и стал противится, жечь города и разные селения, а из воинских чинов главных начальников и прочих штаб- и оберофицеров и дворян вешать, а если б дошел и до Петербурга, и оной бы разбил. То бы и был государем, так как был прежде Гришка Растрига»²⁰.

Составной частью этого смелого плана была подготовка почвы для организации народного восстания. Хрипунов решил первоначально убедить сибиряков в том, что Петр III жив и готов возобновить справедливую борьбу за незаконно отнятый у него Екатериной II престол. Причем Хрипунов собирался при случае описывать внешность Петра III как весьма схожую с собственной, чтобы впоследствии, когда он сам уже под именем императора вер-

---

²⁰ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2699. Л. 55 об.

нется в крестьянские селения, ему была бы обеспечена надежная поддержка.

Во исполнение своего плана Хрипунов принялся распространять слухи о спасении царя Петра Федоровича в населенных пунктах по рекам Иртышу, Бурле, Кулунде, Чуману. В деревне Крутиха местные крестьяне выдали разгласителя властям как бродягу. Ялutorовская нижняя расправа осудила его за отлучку без паспорта и «за ненаписание в ревизских сказках».

Скитаясь по Иртышу, П. Е. Хрипунов услышал интересные известия о «Петре III». Будучи в найме у казака из Кривого станца Н. Федоркова, он стал свидетелем разговоров между хозяином, казакон Резанцевым и неким «киргизцом», «что подошла на китайскую границу сила немалая и стоит на 80 верст, тут сам государь Петр Федорович»²¹.

В июне 1786 г. Хрипунов отправился из Ялutorовска в путь, «на китайскую границу». Его сопровождали некий С. Копейкин и дворовый человек прапорщика Русинова Ф. Алексеев. Спутники Хрипунова соблазнились отправиться в дальний поход льготами, которые он обещал им по прибытии в лагерь «Петра III» (по 100 руб. в год жалованье, хорошее платье). Пройдя с 50 верст, Ф. Алексеев одумался и, «сожалея жены и детей», оставил сообщников.

Вскоре П. Е. Хрипунов очутился в Петропавловской крепости. В Егорьевском питейном доме его узнал рекрут Е. Незамаев, свидетель расправы Хрипунова над майором Салмановым в период пугачевщины. Встреча была радушной. Хрипунов угощал рекрутов (Незамаева, Зяткова, Фадеева) вином, провозглашал на дворе тост в здравие «государя Петра Федоровича». Заведя Незамаева за угол питейного дома, Хрипунов шептал ему на ухо: «Молитесь, ребята, богу. Государь Петр Федорович жив, и я де его недавно видел»²².

В той же Петропавловской крепости П. Е. Хрипунов уговорил бежать в мятежное «скопище», расположенное якобы на китайской границе, драгуна Сибирского полка Н. Гавриловского, который подбивал к тому же своих сослуживцев. Но 25 августа Хрипунов был задержан. Спутника Хрипунова С. Копейкина поймали позднее – 10 октября в г. Таре.

---

²¹ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2699. Л. 51–51 об.

²² См.: Там же. Л. 33 об. – 34, 50–51.

В ходе последовавших допросов П. Е. Хрипунов внушительно и красочно описал приключения Петра III после поражения в восстании 1773–1775 гг. Оказывается, по словам Хрипунова, после разгрома пугачевцев под Казанью «великая толпа» с самим государем Петром Федоровичем ушла на Черное море рекою Волгою. Затем Петр III со своими войсками, обойдя Черное море, явился к китайскому государю, которой якобы первоначально не принял российского царя-избавителя и не дал ему «ни харчу и ни провианту».

Однако впоследствии, через полтора года, когда к Петру III прибыл «грузинский царевич» с «Августом» («а кто он таков, Август, не знает), китайский государь уверовал в то, что к нему во владения действительно прибыл российский император, и стал помогать ему. Хрипунов рассказывал, что рядом с лагерем Петра III стоит его брат король (с бритой головой) с войском же.

В подтверждение дружеских отношений между российским и китайским государями Хрипунов поведал, что на именины к Петру III, в Петров день, явился и китайский государь. По этому случаю на протяжении трех дней продолжалась пальба из пушек.

Согласно показаниям П. Е. Хрипунова, войско Петра Федоровича формировалось преимущественно из донских и запорожских казаков, а также из солдат и офицеров, одетых в немецкое платье, иноземцев. Хрипунов сообщил, что у избавителя есть артиллерия (до 15 орудий); что армия Петра III зимой живет в больших казармах (в каждой до 200 человек), а летом в палатках. Сам государь, рассказывал Хрипунов, живет в горнице, у которой несут караул пешие казаки с ружьями. Спокойствие бдительно охраняют разъезды и пикеты, поэтому обнаружить лагерь избавителя нелегко, а еще труднее – туда попасть.

Армия Петра III находится в постоянной мобилизационной готовности: есть мосты-понтонны, которые «сделаны на лотках, которые и обтянуты смоляным полотном, и вокруг их канаты с якорями, а когда перейдут через реку, то снимают и свертывают, и один мост можно увезти на двух верблюдах»²³.

По рассказам П. Е. Хрипунова, воины Петра Федоровича «довольствуются платьем... офицерам и прочим атаманам на рубашки

---

²³ См.: РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2699. Л. 52 об. – 53 об., 59, 60.

дают фанзу, а простым людям бязи, дабы и пестрые выбойки, а отколь оные доставляют в тое силу, не знает»; старшины и атаманы носят дорогие шапки с золотыми кистями²⁴.

Во время первых допросов Хрипунов утверждал, что около года он сам провел в лагере Петра III, откуда некий полковник Разин отправил якобы его, Хрипунова, в российские селения для того, чтобы он разглашал о Петре III. Да и сам государь якобы говорил Хрипунову: «Ты – атаман сибирский, то и поезжай в Сибирь и обо мне сказывай»²⁵. Генералы и полковники Петра III, по словам Хрипунова, также отправляли его готовить восстание в Сибири: «Поезжай, за государя умирай, а мы де не хуже тебя, да умираем»²⁶.

Кроме того, вымышленный полковник Разин якобы сообщал Хрипунову о планах Петра III пойти с войском на Сибирь двумя группами: одной – на Барнаул, другой – вдоль сибирской военной линии; захват Тобольска входил в планы Петра III²⁷.

Конечно, все рассказанное П. Е. Хрипуновым – плод народной фантазии, в какой-то степени додуманной им самим. Самозванец был вынужден признать на допросе, что войска Петра III в действительности он не видел и в лагере избавителя не бывал. Согласно резолюции Екатерины II, Хрипунов, «как поврежденный в уме», был отправлен в тобольский сумасшедший дом. Это решение мотивировалось тем, что замыслы Хрипунова «ни в котором месте не возымели настоящего действия»²⁸.

История Хрипунова стала, по существу, последней серьезной попыткой использовать самозванчество в широких социальных интересах. Впоследствии самозванцы продолжали появляться в сибирских городах и селах. Но это было преимущественно бытовое, мелкокорыстное и эгоистичное самозванчество, не заинтересованное в широкой поддержке и не оставившее глубокого следа в социальной истории.

---

²⁴ См.: РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2699. Л. 51 об., 52 об.

²⁵ Там же. Л. 52 об.

²⁶ См.: Там же. Л. 52 об., 53 об.

²⁷ См.: Там же. Л. 51 об. – 53 об., 59–60.

²⁸ Там же. Д. 2047. Ч. 1. № 1. Л. 161.